

ДИАЛОГ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА «НИКИТА» И Я. БРЫЛЯ «ЛИПА И КЛЁНИК»

В последнее время заметно возрос литературоведческий интерес к непосредственной работе с текстом, вследствие чего именно текст вновь становится предметом скрупулезного анализа не только в лингвистических дисциплинах, но и в науке о литературе. В связи с этим процитируем В. И. Тюпу: «Анализ художественного текста представляет собой особую литературоведческую дисциплину. Практика аналитического рассмотрения отдельных произведений в их внутренней целостности образует отдельную область научного познания, в равной степени близкую как истории литературы, так и ее теории, но не сводимую ни к первой, ни ко второй» [4, с. 3].

Перед автором данной статьи, использующим методологию целостного анализа текста, на основе которой происходит «выявление не строительного материала, а конструктивных соотношений целого как «сложно построенного смысла» [4, с. 8], стоит задача продемонстрировать продуктивность текстового анализа в ключе аналитического осмысления диалоговых отношений автора и читателя. Продуктивность подхода выверяется «компаративной стратегией объяснения» (Тюпа В. И.). Для сравнительного анализа избраны рассказы, адресованные читателю-ребенку: Я. Брыль «Липа и клёник» (1952) и А. Платонов «Никита» (1945).

У белорусского и русского прозаиков так называемая детская проза не случайна. Их произведения хрестоматийны, относятся к лучшим образцам в истории национальных литератур. «Захапляцца маленствам, наогул пачаткам жыцця, – найцікавей», – признавался в «Думках у дарозе» Я. Брыль. Автор детской классики А. Платонов уже в юности провозгласил, что «дети – спасители вселенной» (1920), и не только не изменил своей точки зрения, но прочно утвердился в ней, создав такие шедевры, как рассказы «Корова», «Юшка», «Уля», «Неизвестный цветок».

Аналитическому разбору детской прозы Платонова посвящены работы Н. Полтавцевой, Л. Шубина, Л. Карасева, В. Чалмаева и других. Изучение творчества Я. Брыля белорусскими литературоведами Вл. Калесником, Ол. Никифоровой не мыслится без обращения к теме детства. Как важное сходство прозы Платонова и Брыля, населенной маленькими философами, представляется наблюдение Ю. Кане: «Талент Брыля – маральны, але не дыдактычны. Пісьменнік выходзіць, а мы і не заўважаем гэтага, бо выходзіць ён перш за ўсё тым, што і як бачыць у жыцці. І дзецям умее расказаць пра сур'ёзныя рэчы лёгка, паэтычна, з мяккім гумарам» [2, с. 257].

Убедительным доводом для типологического изучения текстов является то, что они имеют общего адресата – ребенка. Следовательно, коммуникативные отношения автора с идеальным читателем организованы с учетом общих законов психологии восприятия текста и становления

личности. В центре повествований двух рассказов – один из кризисных моментов в развитии ребенка. И мальчику Никите и девочке Липе – по пять лет от роду. Авторы достоверны в воссоздании существенных черт возраста: способности впервые лично заявить о себе, сделать первые самостоятельные шаги в познании жизни. В сюжетном развитии и раскрытии характеров определяющую роль играет непослушание пятилетнего ребенка, который вопреки наказу взрослых оставляет дом и отправляется в путь. Хронотоп дороги в рассказах потенциально наполнен возможностью самопознания и открытия нового.

Достоверность в отображении возрастных особенностей Никиты и Липы – манеры поведения, речи, ситуационного поведения, как и окружающей обстановки способствуют установлению контакта между текстом и читателем. Действует закон апперцепции. Читатель-ребенок узнает себя, переносится в знакомую атмосферу детства, погружается в образный мир, воссоздаваемый во взаимодействии воображений художника и читателя.

Оба писателя создают условия, обеспечивающие возрастную идентификацию читателя. Установка на самоузнавание пятилетнего ребенка у Брыля явно содержится в речи персонажа, отличающейся лексическим составом, синтаксисом: «А мне тата казаў не хадзіць за дарогу. І мамаказала!», «Сёння Ліпа – вялікая цаца!». Так же проста и незатейлива речь Никиты, подражание взрослым в ней еще более выразительна: «Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудовень дадут!». Как отмечают психологи, «при восприятии речи реципиент проявляет активность: опирается на свой прошлый опыт (как речевой, так и неречевой), осуществляет вероятностное прогнозирование поступающего сигнала, а также производит эквивалентные замены. В этом процессе задействован механизм апперцепции – зависимость восприятия от прошлого опыта...» [3, с. 224].

На этапе возрастной идентификации можно заметить первое существенное различие в изображении ребенка у Брыля и у Платонова. Героиня Брыля «привязана» к действительности, ее образ дан в описательном ключе. У Андрея Платонова как самое важное качество пятилетнего ребенка выделена способность создавать в воображении свой особый мир, что открыло возможность писателю быть психологически достоверным и одновременно дать волю художническому вымыслу.

Множество невероятных встреч ждет мальчика, благодаря его богатому воображению. Одна из них – встреча с тем, кто живет в бочке: «... Никита пошел далее во двор и пришел в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днем он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал».

Отталкиваясь от воображения как доминанты детского сознания, автор «Никиты» вступает на путь широких обобщений и универсализации изображаемого. В сравнении с поэтикой рассказа «Липа и клёник»

становится очевидной многоплановость платоновского образа. В белорусском тексте функционируют слова-образы *дорога, дерево, дом, Снегурочка*. Но в их художественной семантике в целостном единстве текста не активизируется столь явно и значимо, как у Платонова, архетипический уровень.

У Андрея Платонова все реалии, с которыми сталкивается осваивающий новый мир мальчик, соотносятся с древними архетипами, отсылают к мифологическому мировосприятию. У Никиты солнце «похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце». Чтобы умиловить змей, которые, как кажется мальчику, «выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрет», Никита задабривает их тем, что «положил у каждой норы хлеб».

Сюжето- и смыслообразующей в рассказах является семантика хронотопа пути. Малолетние герои отправляются в первое жизненное странствие, послушавшись родителей. Литературный архетип пути предполагает блуждание, испытание, преодоление жизненных препятствий, духовное возмужание и закалку личности. Все эти этапы проходят Никита и Липа. Заканчивается первое самостоятельное путешествие кардинальным переменами в жизни ребенка, впервые почувствовавшего социальную значимость своих дел. Девочке Липе удалось спасти от зубов зайца кленик. Никита впервые понял, насколько важен труд на благо всех людей: «Давай все трудом работать, и все живые будут».

Фактически оба персонажа прошли инициацию. Интересно, что образная система Платонова, благодаря маркированности и реконструкции мифологического подтекста, рельефно возводит момент инициации в определенную закономерность. Инициация Никиты закономерна, так как в ней задействован весь окружающий мир, физическим спасением является уход в мир сна, духовное возрождение ребенка возможно только благодаря помощи возвратившегося с фронта отца.

Многосложность инициального процесса и понимание читателем значимости произошедших перемен рождает множество вопросов. Вопросы возникают и из-за неординарности пережитого ребенком опыта, и благодаря целевой установке автора на создание диалога с читателем. Брыль и Платонов, считая себя учениками великого мастера рассказа А. П. Чехова, как и автор «Ваньки Жукова», многое недоговаривают, рассчитывая на сообразительного читателя. Язык повествования формирует вопрошающий стиль. В тексте имеются лакуны, моменты недоговоренности, намеки, которые заполняются благодаря пытливости читателя и его органичной потребности в целостности восприятия.

Сравнительный метод демонстрирует, как в организации диалога более доверяет читателю Платонов. Платоновский стиль поистине вопрошающий. В нем множество фреймов, смысловых лакун, пространственно-временных разрывов, аналитических дискурсов. Брыль не всегда использует возможность доверить читателю додумать само собой

разумеющееся продолжение. Так, читателю не надо прилагать усилий, чтобы догадываться, как спасся кленик: «Ды ўсе дрэўцы стаяць ужо ў пушыстых саламяных шубках. Ліпа сказала, і дзеці прыйшлі, паабвязвалі яблынькі саломай» .

Вопрошающей стилистике соответствует открытый финал сюжета, акцентируемый последним предложением. «А клёнік яшчэ ўсе смяецца і плешча ў маленькія ладкі...». Сам собой возникает у внимательного читателя вопрос «Чему так радуется маленький, спасенный детьми от зубов зайца, кленик?». Ответ следует многовариантный, развивающий аналитические способности ребенка-читателя.

Платоновский стиль ещё в большей мере тяготеет к обобщению. Диалогичность повествования обеспечивает и несобственно-прямая речь. Рассказ «изложен тем живым, верным языком, который дает ощущение и времени и места действия, и индивидуальности рассказчика, и философии народа» [4,с. 108]. Благодаря чему читатель, «сотрудничает с автором в деле создания произведения» [5, с. 84].

Таким образом, сравнительный анализ текстов ярко демонстрирует индивидуальные черты творческой манеры авторов. Характер диалога, где активны автор и читатель, обуславливает востребованность текста читателем. Выяснение механизмов формирования рецепции имплицитного читателя способствует продуктивности работы с реальным читателем.

Литература

1. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учебное пособие для студ. фил. высш. учеб. завед. М., 2008
2. Канэ Ю. Як паветра і хлеб: Жыццёвы і творчы шлях Янкі Брыля. Мінск, 1988.
3. Белянин В. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. М., 2006.
4. Платонов А. П. Размышления читателя: лит.-крит. статьи и рецензии. М. 1980.
5. Эко У. Открытое произведение. СПб., 2006.